

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

(по случаю его семидесятилѣтія)

Мы старые друзья съ Л. Шестовымъ и вотъ уже 35 лѣтъ ведемъ съ нимъ діалогъ о Богѣ, о добрѣ и злѣ, о знаніи. Діалогъ этотъ бывалъ нерѣдко жестокимъ, хотя и дружескимъ споромъ. Діалогъ съ Л. Шестовымъ труденъ, потому что онъ не діалогическій человѣкъ, онъ человѣкъ монологическій. Л. Шестовъ — моноидеистъ, человѣкъ одной темы, одной всепоглащающей идеи, онъ съ трудомъ можетъ стать на чуждую ему почву, проникнуться проблематикой другого, уступить ему, чтобы діалогическая борьба произошла въ одной и той же плоскости. Но это свойство, затруднительное для спора и суживающее сознаніе, составляетъ и своеобразную силу Л. Шестова, дѣлаетъ мысль его напряженной и сосредоточенной. Л. Шестовъ прежде всего мыслитель, имѣющій свою тему, имѣ не только продуманную, но и глубоко пережитую. Онъ одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ себѣ мыслителей. Онъ стоитъ внѣ всѣхъ теченій, направленій, внѣ книжныхъ вліяній. Мысль его связана съ цѣлымъ рядомъ великихъ писателей и мыслителей — Ницше, Достоевскій, Л. Толстой, Паскаль, Лютеръ, Кирхегардтъ, съ которыми онъ встрѣтился лишь въ самые послѣдніе годы, но она опредѣлялась не столько книгами и мыслями этихъ шестовскихъ героевъ, сколько ихъ внутреннимъ жизненнымъ опытомъ и ихъ трагической судьбой. Л. Шестовъ одиночка, онъ совсѣмъ не социаленъ, онъ хочетъ рѣшать свою жизненную тему самъ предъ Богомъ и передъ тайной существованія. Переходъ Л. Шестова въ социальную сферу дѣлаетъ мысль его неинтересной. Онъ совсѣмъ также не психологъ, какъ иногда про него думаютъ, онъ занимается не психологіей своихъ героевъ, онъ на нихъ, на ихъ примѣрѣ рѣшаетъ все ту же свою тему, которой посвящена вся его жизнь. Поэтому онъ часто невѣрно и неполно истолковываетъ другихъ. На другихъ онъ хочетъ выразить себя, таковъ его

методъ. Л. Шестовъ глубоко задумался надъ тѣмъ, какъ сдѣлать однажды бывшее небывшимъ.

Тема Л. Шестова религіозная, библейская. Его обращеніе къ Библии особенно ясно видно въ послѣдній періодъ творчества. Л. Шестовъ ищетъ Бога, въ Богѣ хочетъ найти свободную жизнь, освободиться отъ оковъ необходимости, отъ законовъ логики и морали, которые дѣлаютъ отвѣтственными за трагическую судьбу человѣка. Болѣе всего его мучитъ проблема грѣхопаденія, о которомъ рассказано въ книгѣ Бытія. Человѣкъ сорвалъ плодъ съ древа познанія добра и зла. Л. Шестовъ истолковываетъ это въ томъ смыслѣ, что знаніе и есть источникъ грѣхопаденія. Разумъ есть продуктъ грѣха. Человѣкъ утерять свободу, подчинился необходимости и законѣрности, связавшихъ не только его, но и самого Бога. И человѣкъ пересталъ питаться отъ плодовъ древа жизни, онъ изгоняется изъ рая. Л. Шестовъ хочетъ вернуться въ рай, къ подлинной жизни, которая находится по ту сторону познаннаго добра и зла. Вліяніе Ницше было быть можетъ самымъ сильнымъ въ жизни Л. Шестова, оно опредѣлило отчасти самую его манеру писать, хотя онъ совсѣмъ не ницшеанецъ въ обычномъ, банальномъ смыслѣ слова. И мнѣ думается, что тема библейская слишкомъ соединилась у Л. Шестова съ темой Ницше, слишкомъ выражена на языкѣ Ницше. Величайшая трудность для Л. Шестова въ томъ, что чисто религіозную тему онъ выражаетъ и трактуетъ на территоріи философіи. Это какъ разъ и заставляеть его вести борьбу противъ философіи, какъ препятствія для прорыва къ Богу. Онъ всегда противопоставляетъ эллинскую философію и Библию, Аѳины и Іерусалимъ, но вращается онъ главнымъ образомъ въ сферѣ эллинской философіи, въ Аѳинахъ, его библейскія мысли и слова сравнительно очень коротки. Иногда кажется, что онъ предъявляетъ философіи требованія, которыя могутъ быть предъявлены лишь религіозной жизни. Но этимъ обнаруживаются внутреннія боренія духа въ самомъ Л. Шестовѣ. Это и дѣлаетъ интересными и значительными его писанія. Онъ прекрасный писатель. Это качество можетъ иногда быть препятствіемъ для обнаруженія жизненнаго опыта. Но у Л. Шестова всегда виденъ жизненный характеръ его философствованія. Его философія принадлежитъ къ типу философіи экзистенціальной, хотя самъ я немного иначе понимаю экзистенціальную философію.

Нельзя отрицать значительности шестовской темы. Л. Шестовъ принадлежитъ къ людямъ, которыхъ мучитъ Богъ, которые съ величайшимъ напряженіемъ духа ищутъ Бога. Онъ никогда не обнаруживаетъ своей положительной вѣры, хотя вѣра для него главное, даже все. Но ищущіе Бога иногда стоятъ выше нашихъ Богъ. Положительная вѣра людей бы-

вала такъ раціоналізована, такъ придавлена понятіями, такъ подчинена общему, что шестовскій протестъ противъ такой вѣры можетъ имѣть освобождающее значеніе. Не разъ указывали, что отрицаніе философіи само есть философія, что отрицаніе разума само пользуется разумомъ. Но аргументъ этотъ имѣетъ лишь относительное значеніе. Прорывъ за предѣлы разума возможенъ и въ томъ случаѣ, если человѣкъ еще пользуется разумомъ. Л. Шестова плохо понимаютъ, многіе ошибочно считаютъ его скептикомъ. Но Л. Шестовъ заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ до сихъ поръ ему удѣляли. Онъ много сдѣлалъ для приобщенія къ философіи опыта, раскрывавшагося не у философовъ-спеціалистовъ и которому философы не придавали достаточнаго значенія. Философія есть опытное знаніе и трагическій опытъ жизни имѣетъ огромное значеніе для этого знанія. Я больше всего расхожусь съ Л. Шестовымъ въ оцѣнкѣ познанія. Онъ тоже служить дѣлу познанія. Познаніе имѣетъ и освобождающее значеніе. Иногда кажется, что тутъ въ спорѣ съ Шестовымъ слишкомъ большую роль играетъ вопросъ терминологіи. Больше всего плѣняетъ въ Л. Шестовѣ, что на протяженіи всей своей литературой дѣятельности онъ никогда ни къ чему и не къ кому не приспособлялся, никогда не вульгалізировалъ своей мысли, не старался ее социализировать. Въ этомъ его благородство. Не принадлежа ни къ какому направленію отъ все-таки принадлежитъ русскому духовному ренессансу начала XX в. и является однимъ изъ самыхъ своеобразныхъ мыслителей этой эпохи. Онъ насыщенъ темами великой русской литературы, которую онъ страстно любитъ и глубоко понимаетъ.

Николай Бердяевъ